

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

«МАХНОВЩИНА» ПО-РУССКИ (АНАРХИСТ А.А. МОРЕВ ВО ГЛАВЕ ГОРОДЕЦКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ В 1918 Г.)

В.П. Сапон

Кафедра истории политических партий и общественных движений
Факультет международных отношений
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр. Гагарина, 23, Нижний Новгород, Россия, 603950

В статье автор на основе новых архивных данных о председателе Городецкого волостного совета Алексее Морева пытается проследить процесс сотрудничества наиболее радикальных революционных организаций — анархистов, левых эсеров и большевиков — в борьбе за политическое влияние на «социальные низы» России в начале 1918 г. Не соглашаясь с устоявшейся в историографии характеристикой анархистов как «авантюристов» и «экстремистов», автор наглядно показывает, что практика некоторых сторонников безвластия могла послужить конструктивной основой социальных преобразований.

Наиболее ярким примером «практической анархии» в годы революции 1917 г. и гражданской войны стала деятельность Гуляйпольского волостного совета, возглавляемого анархистом Н.И. Махно. Этому историческому феномену посвящены десятки книг, статей, документальные и художественные фильмы. Между тем не только на Украине, но и в Великороссии проходила интенсивная работа по организации общественной жизни на либертарных началах, и русские анархисты внесли в это дело свой заметный вклад. К примеру, в Нижегородской губернии именно анархист был одним из организаторов и первым руководителем Совета в Городецкой волости, который фактически стал политическим центром целого уезда.

Согласно архивным документам, первое заседание Городецкого волостного совета рабочих и крестьянских депутатов Балахнинского уезда состоялось 17(4) февраля 1918 г. (1). В этот день тайным голосованием был избран президиум Совета в составе 5 человек: анархиста А.А. Морева (председатель), левых эсеров А.П. Луконина (товарищ председателя) и Л.С. Пожарской (секретарь), большевиков С.В. Вагина (помощник секретаря) и М.П. Шумилова (казначей) (2).

Тогда же началось формирование волостного «правительства», затянувшееся до начала марта. 17 февраля открытым голосованием избраны комиссары труда

(большевик Д.И. Маслов), казначейства (большевик П.М. Сучков), затонских служащих (большевик Г.В. Желтухинский) и его помощник (большевик И.П. Гуськов), продовольствия (левый эсер Л.В. Тоньшев), народного образования (левый эсер А.П. Луконин), банка взаимного кредита (независимый социалист А.М. Корженко) и податей (Г.М. Кузнецов) (3). На следующем заседании, 18 февраля, комиссаром земства по Городецкой волости временно избран А.М. Корженко (4). 29 февраля А.М. Корженко утвердили в должности комиссара земства, комиссаром земледелия стал левый эсер Т.А. Махов (5). В этот же день создан военно-революционный штаб из 6 чел. (6). 8 марта структура волостной советской власти пополнилась ревизионной комиссией из 3 членов (из них двое — члены РСДРП(б)) и 2 кандидатов (7).

Предметом особого внимания новой власти стали ее вооруженные силы — красная гвардия, которая разместилась во флигеле бывшего удельного дома, ставшего резиденцией самого волостного Совета (8). В дополнение к отряду сормовских красногвардейцев, возглавляемых левым эсером Касаткиным, на первом же заседании Городецкого волсовета решено провести наборы в местную кадровую красную гвардию (с выплатой жалования), причем поступить на службу могли только соискатели, имевшие рекомендации 2 или 3 членов советских партийных фракций, успешно прошедшие обсуждение на фракции и утвержденные Советом (9). В целях немедленного изыскания средств для выплаты жалованья красногвардейцам и содержания служащих Совета волостное «правительство» на второй день своего существования постановило выделить аванс из казначейства и поставить кассиров в частные торговые предприятия. Более того, по предложению избрательного комиссара А.М. Корженко было решено начать со склада продажу пива и вина по карточной системе, а вырученные деньги направить на указанные цели (10).

В этот же период многопартийное советское руководство Городецкой волости вело энергичную борьбу за консолидацию властных полномочий с другими субъектами политической власти, не церемонясь даже с эмиссарами вышестоящих инстанций. Так, уже 18 февраля с подачи левого эсера Ф.А. Спорынина решено «просить Нижегородский губернский продовольственный комитет отозвать своего представителя т. Анищенко и дать полномочия производить реквизиции комиссии, выделенной Городецким советом по своему усмотрению» (11). 22 февраля в ответ на соответствующий запрос волостной земской управы без проволочек принято постановление: продовольственное дело Совету незамедлительно взять в свои руки «с оставлением на своих местах служащих в управе, признающих власть Совета» (12). 11 марта на заседании Городецкого волостного совета состоялось выяснение отношений с земским комиссаром Балахнинского уезда Никитиным. Уже не первый раз он просил денег для нужд своего ведомства. Это дало повод лидерам Совета не только обвинить уездную земскую власть в непопулярной слабости, но и высказать намерение перенести административный центр уезда в Городец. Никитин был вынужден согласиться с тем, что «Балахна не центр», и обещал предоставить смету всех предполагаемых расходов. Подводя

итог оживленной дискуссии, председатель Городецкого совета А.А. Морев «сказал, что все предложения сводятся к тому, чтобы денег сейчас не давать. Постановлено: денег не давать, а дальнейшую разработку помощи уезду поручить Совету» (13). В свою очередь, когда 4 марта представитель Бриляковской волости высказался против руководящих указаний со стороны городецкого «правительства» «по работе во вновь образовавшемся [волостном] Совете», то его тут же поставили на место, четко обозначив границы политической лояльности: «только такой Совет может быть признан, который состоит из лиц, желающих работать в духе партий левых течений» (14). Таким образом, возглавляемый анархистом волостной Совет фактически берет на себя полномочия уездной власти, диктуя свою волю не только проявляющим политическую слабость «верхам», но и излишне самостоятельным «низам».

Итак, с самого начала Городецкий совет опирался на левосоциалистическую коалицию, члены которой — и анархисты, и левые эсеры, и большевики, и независимые социалисты — на первых порах сообща «конструировали власть» и осуществляли революционно-классовую политику на подведомственной территории. Ведущими направлениями практической работы Совета, помимо «изыскания средств» для содержания органов новой власти и ее вооруженных сил, стали налаживание продовольственного обеспечения населения и поддержание производства на местных предприятиях. При решении этих задач советские лидеры волости, независимо от партийной принадлежности, руководствовались принципом революционной целесообразности и использовали решительные, но в то же время вполне прагматичные подходы. Еще 18 февраля Совет уполномочил своего представителя П.Г. Воронина ускорить обеспечение железом коллективных мастерских, которые остались без сырья (15). 25 февраля в ответ на отказ владельцев кожевенных заводов платить жалованье рабочим в протокол очередного заседания Совета было внесено постановление: реквизировать кожи у заводчиков, реализовать их по нормировочным ценам населению, а полученные таким образом деньги выдавать только на покупку необходимых материалов и оплату труда рабочих (16). 8 марта стало известно, что ремонт судов в затоне может быть остановлен из-за отсутствия денег на эти работы. Тут же последовало решение: выдать аванс до 30 тыс. рублей из средств Совета при условии, что Центральный комитет судходоходных служащих затем возместит эту сумму (17).

Примечательно, что в некоторых случаях «власть трудящихся» столь решительно проводила классовую линию, что не считала нужным прислушиваться к мнению самих трудящихся. Так, 29 февраля была отклонена просьба рабочих, которые ходатайствовали перед Советом об уменьшении суммы налога, наложенной на их работодателя Жукова (18). 8 марта «заслушаны вне очереди заявления Колова и рабочих, работающих у него, об освобождении из-под ареста и освобождении от суммы обложения, т[ак] к[ак] у него денег в наличности не имеется». По предложению большевика С.В. Вагина Совет принял волевое решение: «деньги рабочим выдать и их получить с гражданина Колова плюс к сумме обложения» (19). Впрочем, особого экспроприационного рвения по отношению к «капи-

талистам села Городца» революционная власть на этом этапе не проявляла: 29 февраля предложение члена комиссии по изысканию средств А.М. Корженко по чрезвычайному обложению имущих слоев было отклонено вообще, а 11 марта по инициативе того же лица Совет все-таки принял решение «произвести сбор» с указанных категорий населения на нужды земства, но в половинном размере (20).

Новая коалиционная власть не спешила прибегать к крайним мерам и в продовольственном вопросе. К примеру, 4 марта на собрании членов Совета «поставлено оповестить население о сборе денег на покупку хлеба и о посылке делегатов за этой покупкой и выработать воззвание к населению о подписке на покупку хлеба... не менее 5 руб.» (21). Однако после доклада о голодающем деревенском населении, прослушанном в Совете 11 марта, представители различных партийных фракций высказались вполне единодушно: «[Анархист] Морев [заявил, что] приложит все силы к тому[,] чтобы учесть хлеб. [Большевик] Абаимов — завтра же сделать учет; чтобы волостные и земельные комитеты состояли из тех, у кого нет хлеба; позаботиться о семенах для посева, обратить внимание на то, из кого состоят комитеты; вовремя сделать подсчеты, сколько нужно продуктов. [Левый эсер, комиссар продовольствия] Тонышев — послать распоряжение в волости, чтобы они послали в общества запросы о том[,] сколько нужно для обсеменения полей зерна. [Большевик] Маслов сказал, что деревенские комитеты состоят из кулаков, почему комитеты не могут произвести реквизицию хлеба» (22).

Еще один раз «крестьянская» тема пространно и оживленно обсуждалась на заседании Совета 13 марта в связи с тем, что комиссар А.П. Луконин предложил депутатам от волостей «выявить свою политическую физиономию, так как в Совете не должно быть места... кулакам, торговцам и прочим сторонникам насадителей кабальных отношений» (23). Крестьянские депутаты заверили присутствующих в том, что они труженики, а не кулаки, и выразили готовность работать с советским органом власти. Вероятно, общее мнение выразил другой член волостного «правительства», независимый социалист А.М. Корженко, заявивший, что «в Совете кулаков быть не может, ввиду того, что они сами не пойдут в Совет» (24).

Одной из важнейших забот новой власти стало наведение порядка как в волости, так и в самом аппарате Совета и подчиненных ему структурах. Строгие меры принимались, невзирая на заслуги и должности провинившихся. К примеру, 22 февраля Совет постановил отослать к нижегородскому коменданту делегатов Центрофлота Нарцисова и Зайцева за то, что, будучи в нетрезвом виде, они вызвали к себе враждебное отношение населения (25). На этом же заседании постановили ответственного работника Анищенко «за угрозу оружием в публичном месте в нетрезвом виде, за похищение у спящего красногвардейца... револьвера... отослать в губернский продовольственный комитет», а волостного комиссара по сбору податей Кузнецова за аналогичное поведение — отстранить от должности и отправить в Сормовский военно-революционный штаб (26). Примерно в это же время за «недостойное поведение» лишился должности комиссар по обложению Ухлин (27). Чтобы не допустить повторения пьяных выходов со стороны пред-

ставителей новой власти, 26 февраля Совет принимает жесткое постановление: каждого члена Совета или красноармейца, замеченного в нетрезвом виде, подвергать трехмесячному тюремному заключению или штрафовать на 300 руб. (28). Не менее решительные санкции принимаются и против тех советских деятелей, которые пренебрегали своими обязанностями. 8 марта по предложению большевика И.И. Богданова решено добиваться отзыва из Совета тех его членов, которые без уважительных причин дважды отсутствовали на общих собраниях этого органа (29).

Свой вклад в процесс «наведения порядка» внес и председатель Совета. Не кто иной как А.А. Морев выступил 4 марта 1918 г. с внеочередным заявлением, предлагая обязать городецких обывателей поставить на улицах села фонари (30). Намного больше времени и сил ушло на то, чтобы ликвидировать двоевластие, вторым полюсом которого, наряду с Советом, выступил Городецкий военно-революционный штаб. Как отмечалось выше, этот чрезвычайный орган был создан в конце февраля, и поначалу он находился на особом положении у волостного советского начальства. В этом отношении показательна реакция лидеров Совета на протокол № 1 ревизионной комиссии, обнародованный 13 марта. Ряд депутатов (в частности, левый эсер А. Луконин и большевик Д. Маслов) высказали мнение, что ревизионная комиссия не может проводить проверки военно-революционного штаба, поскольку тот ответственен перед Советом. Большевик Абаимов увидел в протоколе «подрыв советской власти», утверждая, что «военно-революционный штаб находится вне ревизии». А анархист А. Морев заявил, что «все постановления протокола неправильны и контрреволюционны» (31). Однако в течение марта развивается и набирает обороты конфликт между двумя «ветвями» власти, который закончился, с одной стороны, упразднением штаба, а с другой — отставкой первого председателя волсовета.

Поначалу свою силу продемонстрировали красногвардейцы. 4 марта на заседании Совета они потребовали ликвидировать «двоевластие» в Совете, обвинив Мореву и его помощника Косцова в том, что они мешают военно-революционному штабу выполнять его обязанности. Угрожая в случае невыполнения их требований немедленно уехать в Сормово, красногвардейцы добились того, что Косцова оставили на занимаемой должности, но предписали ему не вмешиваться в действия красной гвардии (32). А.А. Морев, не собираясь уступать позиций, устроил вместе с сотрудниками милиции ночную проверку в расположении военно-революционного штаба и открыл неприглядные детали службы и быта красногвардейцев. Выяснилось, что начальник красной гвардии не особенно обременял своих подопечных дисциплинарными требованиями, вследствие чего бойцы во время дежурства спали на постах или приятно проводили время в женской компании.

«Происшествие в военно-революционном штабе» разбиралось на заседании волсовета 27 марта 1918 г. После обсуждения ночной проверки «красногвардейцы подняли страшный шум[,] крича: „долой Мореву! Убирайся! Тебя из Сормово выгнали и отсюда выгоним“» (33). Морев был вынужден временно уступить пред-

седательское место большевику П.М. Сучкову, который при поддержке большинства ликвидировал «двоевластие»: красногвардейцев, не имевших депутатские мандаты, удалили с заседания, а затем вместо упраздненного тут же военно-революционного штаба избрали коллегию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (34).

А.А. Морев, сыгравший одну из ключевых ролей в укреплении единовластия Совета, казалось, мог праздновать победу, если бы не выяснилось, что и сам он далеко не всегда был в ладах с требованиями революционной законности. На том же самом заседании, 27 марта, после выдвинутых обвинений председатель Совета признал, что по его приказу конфисковывалось не только оружие, но даже личные вещи, причем не только у предполагаемых контрреволюционеров, но также у солдат и даже членов Совета. В итоге собрание сформировало специальную следственную комиссию для оценки действий А.А. Морева. Вдобавок к этому «постановлено немедленно исправить ошибки народного комиссара, вещи же, которые будут конфискованы[,] складывать в склады до особого разбирательства. Гимнастерку Мореву снять и возвратить хозяину» (35). В столь критических обстоятельствах обвиняемый анархист сложил с себя полномочия председателя Совета и комиссара. Он попросил разрешения уехать в Сормово для доклада уездному и губернскому Советам, а также сормовской фракции большевиков, на что и получил санкцию своих товарищей (36).

Деятельность А.А. Морева не была столь продолжительной и радикальной, как у его гуляйпольского коллеги и идеологического соратника. Тем не менее, в своих действиях он успел продемонстрировать характерные черты многих леворадикальных политиков, вошедших в 1917—1918 гг. во власть: декларативный призыв к всеобщей свободе и нежелание поступиться даже малой толикой реальной власти на «подведомственной» территории, стремление к расширению классовой демократии и одновременно с этим укрепление дисциплины на всех уровнях, решительную борьбу с «кабальными отношениями» в обществе и пренебрежительное отношение к элементарным нормам законности, даже революционной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственный архив Нижегородской области № 3 (г. Балахна) (ГАО-3). — Ф. 33. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 102 об.
- (2) ГАО-3. — Ф. 33. — Оп. 1. — Д. 9. — Кроме того, А.А. Морев был «оставлен» комиссаром, то есть фактически главой администрации, с. Городца (см. ГАО-3. — Ф. 33. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 103).
- (3) ГАО-3. — Ф. 33. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 102 об.
- (4) Там же. — Л. 105.
- (5) Там же. — Л. 112.
- (6) Там же. — Л. 111 об.
- (7) Там же. — Л. 116 об — 117.
- (8) Там же. — Л. 111 об.
- (9) Там же. — Л. 103.
- (10) Там же. — Л. 104—104 об.
- (11) Там же. — Л. 104 об.

- (12) Там же. — Л. 106.
- (13) Там же. — Л. 119.
- (14) Там же. — Л. 113—113 об.
- (15) Там же. — Л. 104.
- (16) Там же. — Л. 108 об.
- (17) Там же. — Л. 115 об — 116.
- (18) Там же. — Л. 112.
- (19) Там же. — Л. 116—116 об.
- (20) Там же. — Л. 111 об, 120 об.
- (21) Там же. — Л. 114.
- (22) Там же. — Л. 119 об — 120.
- (23) Там же. — Л. 122.
- (24) Там же. — Л. 122.
- (25) Там же. — Л. 106—106 об.
- (26) Там же. — Л. 106 об.
- (27) Там же. — Л. 109.
- (28) Там же. — Л. 109—110.
- (29) Там же. — Л. 116 об.
- (30) Там же. — Л. 114 об.
- (31) Там же. — Л. 122 об — 123.
- (32) Там же. — Л. 112 об — 113.
- (33) Там же. — Л. 130—130 об.
- (34) Там же. — Л. 131—131 об.
- (35) Там же. — Л. 132 об.
- (36) Там же. — Л. 132 об — 133.

**«MAKHNOVCHINA» A LA RUSSE:
ANARCHIST A.A. MOREV AT THE HEAD
OF THE GORODETSKIJ SOVIET OF WORKERS'
AND PEASANTS' DEPUTIES (1918)**

V.P. Sapon

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Gagarin Ave., 23, Nizhniy Novgorod, Russia, 603950

In the article the author basing on a fresh contemporary records about Alexej Morev, the Chairman of the Volost Soviet in Gorodets, attempts to observe the process of cooperation between the most radical revolutionary organizations — Anarchists, Left SRs and Bolsheviks — in the struggle for the political influence over the social «rank-and-files» in Russia at the beginning of 1918. Contrary to the description of Anarchists as «adventurers» and «extremists» generally accepted in historiography, the author demonstrates that praxis of some anti-Statists could serve as constructive basement for a social transformation.